

А.В. Фёдоров
© Фёдоров А.В., 2022

**«Я ВЕДЬ ТОЖЕ НАРОД»:
АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ
И СЛАВЯНОФИЛЫ**

Аннотация. В статье рассматривается сложное отношение А.К. Толстого к славянофилам и их учению. Это отношение отразилось в творчестве и претерпело существенные изменения со временем. Относительная близость – середина 1850-х годов, диалог – конец 1850-х – начало 1860-х, полемика – конец 1860-х – 1870-е. Период единства был связан с его интересом как художника к народно-песенной стилистике и к идее славянского воссоединения. Затем в нем созревает стремление пояснить свою эстетическую позицию, которая расходится с представлениями славянофилов о смысле и цели искусства (стихотворное послание «И.С. Аксакову»). Впоследствии диалог перерастает в полемику с более широким кругом вопросов – Толстой не принимает утилитарное отношение к литературе, отстаивает свое понимание народа, переосмысливает роль Петра Великого в русской истории, разоблачает тягостные последствия «московского» периода, клеймит «татарщину» как мечту о новом хане и апологию тирании и рабства, не желает признавать превосходства над Западом в нравственно-религиозном отношении, наконец, парадоксально сближает нигилистов и славянофилов, показывая разрушительные последствия их идей («Поток-богатырь»).

Ключевые слова: А.К. Толстой; И.С. Аксаков; А.С. Хомяков; Б.М. Маркевич; славянофильство; панславизм; диалог; полемика; нигилизм.

Получено: 02.11.2021

Принято к печати: 02.12.2021

Информация об авторе: *Фёдоров* Алексей Владимирович, доктор филологических наук, главный редактор издательства «Русское слово»,

Овчинниковская наб., 20, стр. 2, 115035, Москва, Россия. Учитель литературы школы № 1516, ул. Хабаровская, 4 а, 107589, Москва, Россия.

E-mail: fedorov@russlo.ru

Для цитирования: Фёдоров А.В. «Я ведь тоже народ»: Алексей Константинович Толстой и славянофилы // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 55–77. DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.03

Aleksei V. Fedorov

© Fedorov A.B., 2022

**“I’M A PEOPLE TOO”:
ALEKSEY KONSTANTINOVICH TOLSTOY
AND THE SLAVOPHILES**

Abstract. The article examines the complex relationship of A.K. Tolstoy to the Slavophiles and their teachings. These relationships have been reflected in creativity and have undergone significant changes over time. Relative proximity – mid-1850s, dialogue – late 1850s-early 1860s, polemic – late 1860s-1870s. The period of unity was associated with his interest as an artist in folk song stylistics and the idea of Slavic reunification. Then the desire to explain his aesthetic position matures in him, which is at odds with the ideas of the Slavophiles about the meaning and purpose of art (a poetic message to “I.S. Aksakov”). Subsequently, the dialogue develops into a polemic with a wider range of issues – Tolstoy does not accept a utilitarian attitude to literature, defends his understanding of the people, rethinks the role of Peter the Great in Russian history, exposes the painful consequences of the “Moscow” period, stigmatizes “Tatarism” as a dream of a new khan and an apology for tyranny and slavery, does not want to recognize superiority over the West in moral and religious terms, finally, paradoxically brings nihilists and Slavophiles closer, showing the destructive consequences of their ideas (“Potok-bogatyř”).

Keywords: A.K. Tolstoy; I.S. Aksakov; A.S. Khomyakov; B.M. Markovich; Slavophilism; pan-Slavism; dialogue; polemics; nihilism.

Received: 02.11.2021

Accepted: 02.12.2021

Information about the author: *Aleksei V. Fedorov*, DSc in Philology, Editor-in-Chief of the Publishing House “Russkoe slovo”, Ovchinnikovskaya Embankment, 20, building 2, 115035, Moscow, Russia. The Teacher of Literature, School no. 1516, Khabarovskaya Street, 4 а, 107589, Moscow, Russia.

E-mail: fedorov@russlo.ru

For citation: Fedorov, A.B. “‘I’m a People Too’: Aleksey Konstantinovich Tolstoy and the Slavophiles”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 55–77. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.03

Граф Алексей Константинович Толстой с искренней симпатией относился к представителям отечественного славянофильства, особенно к братьям Аксаковым и А.С. Хомякову. Была ли эта симпатия связана с их воззрениями, представлениями об истории, судьбе и назначении России? На этот вопрос однозначно ответить невозможно, поскольку на протяжении своего творческого пути Толстой, «двух станов не боец, но только гость случайный», существенно менял акценты и оценки, относящиеся к славянофильству. Попробуем обозначить их следующим образом: Единство, Диалог, Polemika.

I

Вторая половина 1850-х годов – время наибольшего сближения писателя со славянофилами. Они горячо приветствовали его вхождение в литературу: Толстой, впервые выступивший в печати в далеком 1841 г. (повесть «Упырь»), становится заметным участником литературного процесса только начиная с публикаций 1854 г. Он активно сотрудничает с журналом «Русская беседа», общается и переписывается с К.С. и И.С. Аксаковыми, А.С. Хомяковым. Они высоко оценивают его стихотворения в народном духе (в частности, притчи «Ходит спесь, надуваючись» и «В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба...»), отвечавшие в полной мере их представлениям о целях и задачах современного художника слова. Сам Толстой в письме к С.А. Миллер от 7 сентября 1856 г. с удовлетворением признавался: «Хомяков мне сказал, что он, прочитав “Спесь” и “Колокол”, хотел мне написать письмо, – и они прибавили: “Ваши стихи такие самородные, в них такое отсутствие всякого подражания и такая сила и правда, что если бы Вы не подписали их, мы бы приняли их за старинные народные”. Эти слова для меня – самая лучшая хвала...» [10, т. 5, с. 71]¹.

---

¹ Отношение А.С. Хомякова к творческому дару А.К. Толстого передает его письмо от 14 июня 1857 г.: «Без шутки, я не понимаю (да и не я один, все так же, как и я) откуда и как Вам достался такой Русской язык. Просто за-

Кроме того, в некоторых стихотворениях А.К. Толстого находят лирическое воплощение важнейшие идеи славянофилов, в частности идея панславизма. Представление о России как духовной наследнице Византийской империи, особой объединительной миссии русского мира и русского императора по отношению ко всем славянским племенам развивалось начиная с 1830-х годов (М.П. Погодин, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский и др.), как в политическом аспекте (буквальное присоединение, расширение государственных границ), так и в духовно-поэтическом ключе (братское слияние)².

Особого внимания с этой точки зрения заслуживают историко-философские баллады Толстого «Колокольчики мои...» и «Ой, стоги, стоги!...». Их можно интерпретировать как лирическую диалогию.

«Колокольчики мои...», начатые в 1840-е годы, завершены были, скорее всего, в середине 1850-х годов благодаря внешним «импульсам», среди которых – юбилей воссоединения Украины с Россией (1854) и встреча с братом Львом Жемчужниковым, приехавшим из Малороссии (см. об этой встрече и о малороссийских песнях, которые «перевернули сердце» Толстого, в его письме к С.А. Миллер от 3 ноября 1853 г. [10, т. 5, с. 52]).

«Дикость» и «непокорство» «славянского коня» поэтически (возможно, иносказательно) представляют стихийность, иррациональность исторического движения, судьбы народов. Лирический всадник отдается этой увлекающей силе, в которой может явить себя Провидение, не случайно единственно возможный ответ на вопрос об итогах и целях пути имеется лишь у Бога. Поэтому «простор», открытый перед всадником, означает еще и освобождение,

---

видно, а Аксаков в горе, что не может как-нибудь Вас приурочить к Москве... Старик Аксакову я Вами доставил праздник, да и кажется всем, кому читал, а читал я кому только мог. Добрый путь вперед! Что если бы какой-нибудь рассказ из старого, былого времени, из удалых схваток пограничных, или другого. Я уверен, что это Вам чудно бы удалось. Простите, если суюсь непрошенный хоть не с советом, а с намеком: мне кажется, что Вы не во весь рост выпрямляетесь, а хотелось бы полюбоваться Вами вполне...» (РГАЛИ. Ф. 212 (Достоевский). Оп. 1. Ед. хр. 277. Л. 1–1 об).

²Панславизму в его философском и литературном аспектах посвящено немало исследований, см., например, работы Б.Н. Тарасова, Г.В. Рокиной, А.А. Григорьевой, М.И. Сигачева.

дение от самонадеянного человеческого стремления познать непознаваемое, от «узкого» представления о должном и недолжном развитии событий. Вера в промыслительность стремительного движения определяет и дальнейший пафос баллады: несмотря на предположительные «распутья» – смерть от зноя или медной стрелы «киргиз-кайсака», именно «светлый град со кремлем престольным» [10, т. 1, с. 26] как итог получает поэтическое обоснование, являет собой апофеоз братского славянского единения.

С седьмой строфы стихотворение приобретает отчетливые признаки баллады: вместо риторических обращений и вопросов появляется повествовательное начало, точка зрения смещается в сторону объективного описания последовательности внешних действий, возникает диалог. Конечно, лирическое одушевление не исчезает – описанная картина близка сердцу лирического героя, она представляет собою воплощение его сокровенной мечты о судьбе народа и государства. На это указывают многочисленные оценочные эпитеты: «светлый» (трижды – о граде, о «посланье», о лице хозяина), «чудно», «величавый». Особый акцент сделан на Малороссии и Польше – булава как признак гетманской власти, кунтуш как традиционная верхняя одежда поляков и украинцев.

Идеальные представления об историческом единстве двух наций и гармоничном включении малороссов в состав Российской империи отразятся и в незавершенном стихотворении «Друзья, вы совершенно правы...» (1857), лирический герой которого тоскует от искусственного разделения того, что должно быть целым:

Да, он грустит во дни невзгоды,
Родному голосу внемля,
Что на два разные народа
Распалась русская земля... [10, т. 2, с. 314]

Правда, позднее эти представления «уравновесятся» в ироничной «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868), где «просвещенная» Екатерина «прикрепила / Украинцев к земле» [10, т. 2, с. 55]. Что касается Малороссии и Польши как составляющих империи, то в историческом контексте стихотворения «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» (1840-е) они предстают естественными врагами, причем Украина не от-

делена от России, великороссы и малороссы названы одним общим «корневым» именем: «Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи...» [10, т. 1, с. 24].

В исключенных позднее строфах «Колокольчиков...» «география» стихотворения существенно расширялась, усиливая его панславистский пафос:

На одних цвели полях
Древле наши деды,
Рус <и> чех, хорват и лях
Знали те ж победы!

Будь же солнцем наших стран
И княжи над нами!
Кто на Бога и славян
С русскими орлами! [10, т. 1, с. 336]

Как считает А.С. Курилов, «возможно, в глубине души он тогда и разделял эту идею, но вкладывать в уста гостей, что искали спасения и защиты как раз от ляхов, слова о единстве всех славян вместе с ляхами под “солнцем” одного “державного” было, мягко говоря, некорректно и неуместно. Толстой это почувствовал, строфа в печати не появилась и сохранилась лишь в нескольких списках, как мимолетное проявление желания поэта видеть все славянские народы в семье единой» [3, с. 134].

Тем не менее в балладе Толстого создается идеально-праздничная картина любовного, добровольного и братского единения славянских народов; образ всадника сменяется восторженным наблюдателем совершаемого действия, и становится ясно – таков чаемый итог его пути как в конкретно-историческом, так и в метафизическом плане. Мечта привела его, как и все славянские народы, – в светлый стольный град, где воплощается Господний замысел о России как духовной наследнице Византийской империи. Любопытно, что стилистика, в которой описываются Москва («престольный кремль» указывает именно на нее, актуализируя концепцию «Третьего Рима») и «величавый хозяин», впоследствии будет характерна для произведений Толстого, посвященных киевскому периоду русской истории. Обращение «Будь же солнцем

наших стран» вызывает в памяти и образ Владимира Красное Солнышко, как будто описывается не московский царь и не российский император, а великий князь Киевский. Не случайно «светлое посланье» идет «с запада», что впоследствии отзовется в «европейском славизме» как сознательной геополитической позиции А.К. Толстого (см., например, его письмо к Б.М. Маркевичу от 7 февраля 1869 г.), воспевавшего киевский период как гармонию исторически естественного единения Руси с западным миром. Таким образом, баллада «Колокольчики мои...» наполнена еще и глубоко символическим смыслом: движение всадника отражает духовный и исторический путь всего русского народа. Этот путь освещен авторским идеалом – представлением о Божественном Промысле в судьбе нации.

Стихотворение «Ой, стоги, стоги!..» начинается фактически так же, как и «Колокольчики мои...», – с обращения лирического героя к природному образу. Но если в первой балладе это обращение остается риторическим, т.е. колокольчики необходимы как «пейзажное условие» для вдохновенного монолога-прозрения всадника, то вторая баллада оформлена именно как диалог: на свой вопрос, обращенный к стогам, герой получает ответ.

«Добрый человек,
Были мы цветами,
Покосили нас
Острыми косами...» [10, т. 1, с. 18]

Развернутая метафора указывает на трагическую разобщенность родственных наций³, если принимать традиционное истолкование образа стога в данном стихотворении. Трагизм усиливается еще и тем, что стоги состоят из мертвых растений – условно говоря, засохших колокольчиков. То есть разрозненность и беззащитность перед внешними угрозами («в головах у нас черные вороны», «стая галок вьет поганые гнезда») смыкаются здесь с темой духовной гибели. Чтобы воскреснуть, славянскому братству необходимо соединиться вновь. На последних строфах в диалог

---

³ По мнению А.С. Курилова, эти два стихотворения составляют «Украинский цикл» и в образе стогов выражена разобщенность *внутри* Украины (Левобережная, Правобережная, Запорожье, Буковина, Подолье, Закарпатье, Галиция).

«добротоу человека» и стогов вплетаются и еще один разговорный план – обращение (мольба) стогов к «орлу, отцу далекому», который осознается как единственный защитник и избавитель. Эпитеты, его характеризующие, – «грозный, светлоокий», – напоминают образ величавого хозяина со «светлым лицом» в балладе «Колокольчики мои...», соединяя «любовь и страх» в нерасторжимое единство. Образ орла⁴ наполнен здесь отчетливыми «державными» ассоциациями как символ российской государственности (исключенные строфы «Колокольчиков», как мы помним, также актуализировали этот образ).

Обе баллады соотносятся друг с другом еще и по принципу контраста: «Колокольчики» рисуют отрадную картину – мечту о будущем, «Стоги» фиксируют печальную действительность настоящего (хотя возможно истолкование «Колокольчиков» как прославления цветущего живого славянского мира в прошлом, а «Стогов» как горестного напоминания о былом единстве). В целом этот комплекс соотнесений и антитез создает объемное художественное пространство, пронизанное стремлением привести реальность в соответствие с идеалом. Это стремление внутренне «скрепляет» оба стихотворения и через образ лирического героя – русского всадника.

«Славянский цикл» А.К. Толстого (см. также «Ты знаешь край, где все обильем дышит...») учитывает положения конкретной геополитической идеи – панславизма. Но эта «идеологическая» составляющая стихотворений почти растворена в лирическом одушевлении высказывания и символичности обеих баллад. Художественные размышления Толстого универсальнее, «метафизичнее» политической проблематики. Может быть, поэтому четких представлений о том, как достичь желанного единства, как сделать реальностью светлую радость «Колокольчиков» и как преодолеть трагичное положение «Стогов», у автора нет. Он как будто чувствует, что здесь почти ничего не зависит от каких-то рациональных решений, понимая, что историческая судьба народа есть тайна. И ее «знает Бог единый».

---

⁴ Образ орла в близком значении возникает в стихотворениях А.С. Хомякова «Ода (На Польский мятеж)» и «Орел».

II

Диалог А.К. Толстого со славянофилами на тему судьбы и назначения поэта художественно закреплен в лирическом послании «И.С. Аксакову» (1859). Стихотворение представляет собой своеобразный поэтический ответ другу-оппоненту (ср. «Б.М. Маркевичу»). Вероятно, тот «строгий суд», который вынес Аксаков стихам Толстого, прозвучал либо в не дошедшем до нас письме, либо в личном разговоре. По содержанию стихотворения суть претензий Ивана Сергеевича заключается в недостатке простоты, естественности языка и внимания к жизни простого народа, к родной природе, т.е. в недостатке демократизма (следовательно, по логике славянофила, – патриотизма). Обвинение суровое, и Толстой, решаясь на поэтический ответ, понимает важность разъяснения своей художнической позиции – причем не только для Аксакова, но и для читателей вообще.

Любопытно в этом ответе то, что две строфы прямо перенесены из более раннего и незавершенного стихотворения «Друзья, вы совершенно правы...» (1857), которое также представляло собой ответ – неким не названным «друзьям», только друзья эти – ложные, прямо противопоставленные лирическому герою, и в качестве лейтмотива поэт использует их обвинение в «квасном патриотизме»: «Я патриот, друзья, квасной» [10, т. 2, с. 312]. Подобное обвинение могло прозвучать либо из «прогрессистского», либо из либерального лагеря, сходящихся в ключевых воззрениях на прошлое и будущее России. В любом случае позиция лирического героя в стихотворении «Друзья, вы совершенно правы...» абсолютно непримирима по отношению к оппонентам, он подчеркнуто гордится тем, в чем его обвиняют, но при этом вносит существенные пояснения в свою социальную философию:

Нет, я не враг всего, что ново,
Я также с веком шел вперед,
Блюсти законов Годунова
Квасной не хочет патриот... [10, т. 2, с. 312]

Таким образом, ситуация поэтической дискуссии с оппонентами (и уточнения своей позиции) лишь внешним образом сбли-

жает два стихотворения. Во-первых, послание И.С. Аксакову действительно можно назвать дружеским (Толстой словно хочет подчеркнуть: расхождение взглядов во многом мнимое, одной из целей написания послания и становится устранение недоразумения, недопонимания между людьми «одного лагеря»), во-вторых, в нем в качестве основной звучит тема творчества, судьбы поэта как «посредника» между вечным и временным. Толстой здесь вновь обращается к образу Псалтыри как «инструмента» поэта (образу, впервые возникшему у него в стихотворении «Поэт», 1840).

Так. В беспредельное влекома,
Душа незримый чует мир,
И я не раз под голос грома,
Быть может, строил свой псалтырь.

Можно сказать, что «повседневная» роль поэта – «меж людей он добрый воин / Или мирный гражданин» («Поэт» [10, т. 2, с. 10]) также имеется в виду в послании к Аксакову, ведь Толстой не отрицает земного мира во имя «таинственной отчизны», одно не противоречит другому, как поэт не противоречит гражданину. Лирический герой стихотворения «И.С. Аксакову» отрицает ситуацию ложного выбора, перед которым его поставил адресат послания (ср. «Двух станов не боец, но только гость случайный...»). Тем не менее, уважая позицию своего «собеседника», поэт особое внимание уделяет именно тому, что ему дорого на земле; не случайно здесь возникает и реминисценция из лермонтовской «Родины», выделенная курсивом («*И пляску с топотом и свистом / Под говор пьяных мужичков*»), и трижды повторенное «люблю» в обширном перечислении примет «здешней жизни».

Однако в стихотворении перед читателем разворачивается все-таки дискуссионное пространство, которое композиционно организовано тройственным «но»:

Но я не чужд и здешней жизни...

(от согласия с обвинением в избытке торжественности – к доказательству неправомерности выводов о гражданской индифферентности);

...Но все, что чисто и достойно,
Что на земле сложилось стройно,
Для человека то ужель <...>
Есть грань высокого призванья?..

(от перечисления «дорогих явлений» земного бытия – к риторическому сомнению в их «окончательной» ценности для человека);

...Гляжу с любовью на землю,
Но выше просится душа... [10, т. 1, с. 108–109]

(итог: общая формула творческого отношения к бытию в его «вертикальной» иерархии).

После этого вывода стихотворение завершается фактически тем же, с чего начиналось: речь вновь заходит о языке, только теперь аксаковский упрек в недостатке простоты и в избытке торжественности лишается основания по очевидной причине, в силу закона – язык должен соответствовать теме, как форма обязана быть органична содержанию. Иначе возникнет дисгармония, хуже того – профанация. И.А. Ильин подтверждает истинность поэтической мысли Толстого: «Поэт, начертавший эти слова, прав и мудр: есть Россия *земная* – русской душе естественно любить ее и противоестественно не любить ее. Ибо она – наше материнское лоно; наша детская *колыбель*; вскормившая нас природа; наше земное, отеческое *гнездо*; наше национальное *жилище*; наш, отведенный нам Богом, *сад*... Но за нею скрыта, в ней таится, в ней живет – не внешнее, внутреннее, сокровенное, духовное начало – *иное значение, иная красота, иной глас*. Для этого – вечного и священного, *Божьего* – внешняя Россия есть как бы *риза*, через которую *сияет эта духовная субстанция*... За *Россией земной* – живет, созерцает, поет, молится и творит Россия *духовная*...» [2, с. 169–170]⁵.

Стоит заметить, что в этом стихотворении, возможно, заключен и поэтически сформулирован результат внутренней борьбы поэта, ложного противопоставления земного и небесного, на-

---

⁵ Ср.: «Всматриваясь в жизнь современной России, приходишь к открытию весьма знаменательному. Открываешь, что есть в ней две России, между собою почти не имеющие ничего общего. Россия нравственная, или духовная, и Россия материальная, или реальная» [5, с. 5].

шедшего, к примеру, отражение в ранней редакции стихотворения «Ты знаешь, я люблю, там, за лазурным сводом...»:

Ты знаешь, жизнь меня к себе не привлекала,
На мир я никогда с любовью не глядел,
Душа во мне не раз по воле тосковала
И за вещественный стремилась предел. [10, т. 1, с. 384]

III

Началом серьезной полемики А.К. Толстого со славянофилами и в целом с консервативным течением русской общественной мысли можно считать «роковой вопрос», поставленный польским бунтом (1863–1864) перед многонациональной Империей.

Так называемая русификация окраин России, с одной стороны, предполагала насильственное включение «малых народов» как части в общее «целое», их растворение в русской стихии через полный отказ от собственного «лица», через утрату национальной самобытности. Последовательно эту позицию отстаивал друг и постоянный корреспондент А.К. Толстого Б.М. Маркевич: «Каждая национальность, если только потворствовать ее инстинктам, непременно будет стремиться сначала к автономии, а затем и к полной независимости... <...> России, дабы не быть поглощенной иностранным элементом, остается только самой поглощать и научиться переваривать иностранные элементы» [6, с. 114]. С другой стороны, «русификация» нужна и возможна только путем постепенного и «мягкого» приобщения иных народов к русскому миру на уровне общих юридических законов и централизующей роли русского языка и культуры при сохранении широкой национальной автономии. То есть в строгом смысле вторая точка зрения не может быть названа «русификаторской», поскольку не предполагала буквального обрусения других народов, видя залог единства империи в союзе равных, а не в обезличенном подчинении.

А.К. Толстой в этом вопросе занимал промежуточную позицию, видя крайности и недостатки каждой из спорящих сторон. Он прекрасно понимал, что «союз равных» возможен только как внесударственное образование и чреват утратой единства внутри Империи, ее кризисом и распадом. Солидаризуясь с теми, кто

стремился к русификаторству как конечной идеальной цели, он расходился с ними в отношении к методам достижения этой цели, подчеркивая, что нетерпеливость и силовая жесткость могут лишь повредить, ибо вызовут естественное противодействие. Недвусмысленный намек на важность политического такта в решении польского вопроса содержится в знаменитом тосте, произнесенном Толстым в Одессе 14 марта 1869 г.: «Во имя нашего славного прошедшего и светлого будущего, позвольте мне, мм. гг., выпить за благоденствие всей русской земли, за все русское государство, во всем его объеме, от края до края, и за всех подданных Государя Императора, к какой бы национальности они ни принадлежали!»⁶

Наиболее последовательно свой взгляд на эту проблему Толстой излагает в письмах к Б.М. Маркевичу, используя эпистолярный жанр для выражения мнения по ключевым политическим и общественным вопросам своего времени. Тем не менее эти вопросы в художественно преображенном виде получали осмысление и в его литературном творчестве, не случайно в одном из писем он ссылается на фрагмент из собственной драмы «Дон Жуан». «Какой русский не желал бы полного поглощения польского элемента русским? Но этого же не достичь запретом говорить по-польски *на улицах и в кофейнях и в аптеках!* <...> Вы вместе с бедным *Щербиной* говорите: “Разных национальностей в могущественном государстве допустить нельзя!” Милые дети! Посмотрите в лексикон! <...> Вы смешиваете *государства* с национальностями! Нельзя допустить разных государств, но не от вас зависит допустить или не допустить *национальностей!*.. Несмотря на нелюбовь к ссылкам на самого себя, не нахожу лучшего аргумента, чем у Лепорелло в моем “Дон Жуане”:

Он говорил, что мавры и мориски
Народ полезный был и работающий,
Что их не следовало гнать, ни жечь,
Что никого не вгонишь в рай дубиной,
Что, коль они исправно платят подать,
То этого довольно королю!⁷

⁶ Опубликовано: Одесский вестник. 1869. № 60. 18 марта [9, т. 4, с. 273].

⁷ Еще одна ссылка на эти слова из драмы «Дон Жуан» содержится в письме Толстого к М.М. Стасюлевичу от 7 февраля 1869 г. [10, т. 5, с. 321].

Прежде всего удовольствуйтесь налогами, которые вам платят, а потом, пожалуйста, попробуйте целым рядом искусных мер русифицировать различные национальности в вашей империи, но главное, будьте искусны в достижении своих целей, а не будьте ни глупы, ни грубы...» (Б.М. Маркевичу от 26 апреля 1869 г. [10, т. 5, с. 334–335]). Стратегическая близость и тактическое расхождение обозначены и в другом письме тому же адресату – и другу, и оппоненту в этом вопросе: «Вы хотите единства России – я тоже. Вам было бы приятно, чтобы различные национальности, которых Вы отрицаете, но которые тем не менее существуют и образуют Российскую империю, слились с русской национальностью, – мне тоже. Но Вы хотите достичь этого принудительными средствами... – тут уж наши дороги разделяются и совершенно расходятся. <...> Словом, у нас одинаковый взгляд на конечные цели, но мы не согласны насчет средств. Ваш взгляд резюмируется так: навязать *всеми средствами* русскую национальность. Мой же взгляд таков: сделать так, чтобы ее хотели. <...> Мне кажется, что Ваша система – никуда не годная и не потому, что она безнравственная, а потому, что она действует в направлении, диаметрально противоположном цели» (Б.М. Маркевичу от 24 мая 1869 г. [10, т. 5, с. 356–357]).

В сатирически заостренной форме полемика Толстого с радикальными «русификаторами» выразилась «Песней о Каткове, о Черкасском, о Самарине, о Маркевиче и о арапах» (1869). В неприятии насильственного «уравнения», неестественность которого особенно комично показана на примере арапов, которым пришлось бы удлинять нос и тереть «мелом их черные зады» [10, т. 2, с. 69], чтобы достичь полного единообразия с остальными подданными империи, скорее всего, отразилось принципиальное для А.К. Толстого отрицание деспотизма, уничтожающего свободную индивидуальность как отдельного человека, так и целых народов. Не случайно упомянут «московский облик», т.е. славянофильское представление о «сильной руке», способной «собрать землю». Эта полемика затрагивает, в том числе, исторические представления Толстого, его ненависть к «московскому периоду» русской истории и к «татарскому хану» в облике Иоанна Грозного

Программная баллада «Поток-богатырь» (1871) свое сатирическое острие направила прежде всего на эмансипаторов-ниги-

листов и вызвала небывалый ажиотаж в «демократической» среде. Однако изображение нигилизма в балладе не ограничивается сатирой на «освобожденных женщин», которые «потрошат чье-то мертвое тело». В одном эпизоде неким «аптекарем, не то патриотом» формулируются основные постулаты нигилистического учения:

Что, мол, нету души, а одна только плоть
И что если и впрямь существует Господь,
То Он только есть вид кислорода⁸,
Вся же суть в безначалье народа. [10, т. 1, с. 203]

Здесь в других выражениях представлено уже обозначенное в «Пантелее-целителе» (1866) «грязноватое учение» – отрицание духовности как таковой. Однако недоумение вызывает контекстуальная синонимичность «аптекаря» (явный аналог нигилиста – поклонника естественно-научного познания мира, да к тому же нередко медика по образованию) и «патриота» (патриотизм в прогрессистскую «концептосферу» не входил). И если первые три строчки публичной проповеди «учения» имеют прямое отношение к «аптекарю», то о «безначалье народа» говорит уже «патриот». В следующей строфе тема «народа» получает развитие – и именно «патриот» сурово обращается к Потоку, призывая уважать «мужика вообще».

Что же за «патриот» имеется в виду? Скорее всего, этот выпад направлен против так называемого «консервативного» направления народнического движения – против почвенников и славянофилов. То есть против последовательных оппонентов нигилистов! Почти в то же время Толстой пишет стихотворение (в тексте письма Стасюлевичу от 19 февраля 1869 г.), в котором весьма скептически отзываясь на известное тютчевское «Эти бедные селенья...» [10, т. 5, с. 325]. Может быть, это просто художническая реакция на ставшую слишком модной «народную тему», которую принялись эксплуатировать все кому не лень, при этом весьма умозрительно и отдаленно представляя себе, кто же это такой – русский народ?

---

⁸ Ср. со словами Ахиллы Десницына, героя романа Лескова «Соборяне»: «У них Бог, говорят, “кислород”...» [4, т. 4, с. 351].

Для Толстого неприемлемы нарочитое «выделение» из комплексного понятия «народ» определенного сословия и попытка выдать часть за целое, сословие – за народ⁹.

«Феодал! – закричал на него патриот. –
Знай, что только в народе спасенье!»
Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
Так за что ж для меня исключенье?» [10, т. 1, с. 203]

Такое понимание единства личности и нации как гармонического целого не предполагает поглощения, обезличенности – и вряд ли совпадает с соборностью, как ее представляли славянофилы. Толстой и здесь стремится к согласию несогласимого (см. стихотворение «В совести искал я долго обвиненья...» 1858), показывая, что выбор между частным и общим, между индивидуальностью и народом – ложный выбор.

Обращает на себя внимание одна примечательная особенность в перечислении «прогрессивных» концептов, которые обрушиваются на Потока, не понимающего их значения. «Почва, гуманность, коммуна, прогресс, заеден средою, общее дело, меньшая братья...» В этом ряду слов-паролей, если присмотреться, обнаруживается одно «лишнее», во всяком случае «странное» в данной компании: перед вполне «нигилистическими» «гуманностью», «коммуной», «прогрессом», формулой «среда заела» (вспомним, какую бескомпромиссную борьбу с этой формулой, которая по сути означает отказ от нравственной ответственности личности за содеянное, вел Ф.М. Достоевский в своих романах и публицистике) вдруг оказывается «почва» – знаковое понятие для совсем другого «стана»: А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, братьев Достоевских (см. также исключенные строфы: [10, т. 1, с. 432]). Как ранее патриот и аптекарь неожиданно стали синонимами, обозначением одного и того же собирательного «передового» деятеля, так и

---

⁹ Интересное совпадение (а может, скрытая отсылка к наблюдению Гегеля?): «Предположение, согласно которому только народу присущи разум, понимание и знание того, что справедливо, оказывается опасным и неправильным, потому что всякая часть народа может объявить себя народом...» [1, т. 8, с. 41–42].

здесь общий поток «прогрессистских» концептов объединяет ложных, кажущихся оппонентов.

Таким образом, баллада «Поток-богатырь» сатирически задевает не только нигилистов, но и их противников, точнее, обнаруживает «точки схождения» радикальных демократов с яркими консерваторами, нигилистов со славянофилами. Однако «сходятся» мнимые противники именно на «территории» нигилистов, как показывает А. Толстой, – и «аптекарь-патриот», восхваляющий мужика и отрицающий Бога, помогает обнаружить, что славянофилы объективно служат той идее, с которой теоретически пытаются бороться.

В письмах этого же периода (конец 1860-х – первая половина 1870-х) Толстой по отношению к славянофилам становится почти непримиримым. Кажется, первый и единственный раз он «торжественно» отрекается от написанного когда-то. «Хотя я враг всякой предвзятой мысли в искусстве, всякой *тенденции*, но мои убеждения высказались *неволью* в “Царе Борисе” и я *неволью* заявил мою антипатию к русопетам, становящимся спиною к Европе. <...> Мой добрый приятель и глубоко уважаемый друг, Аксаков, должно быть, не подозревает, что Русь, которую он хотел бы воскресить, не имеет ничего общего с настоящею Русью. Кучерская одежда, в которой щеголяли его брат, Константин Аксаков, и Хомяков, так же мало изображает настоящую русскую Русь, как и их допетровские теории; и Петр I, несмотря на его палку, был более *русский*, чем они, потому что он был ближе к дотатарскому периоду. Отрекаюсь торжественно от моей песни, которая в свое время имела большой успех:

Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле варить?

Гнусная палка Петра Алексеевича был найдена не им. Он получил ее в наследство, но употреблял ее, чтобы вогнать Россию в ее *прежнюю, родную* колею» (М.М. Стасюлевичу от 12 ноября 1869 г. [10, т. 5, с. 379]).

Приведем еще несколько показательных цитат. «...Я не презираю славян, напротив, я сочувствую им, но лишь постольку,

поскольку они стремятся к свободе или независимости или поскольку они занимаются историческими исследованиями или выпускают археологические сборники. Но я становлюсь их отъявленным врагом, когда они воюют с европеизмом и свою проклятую общину противопоставляют принципу индивидуальности, единственному принципу, при котором может развиваться цивилизация вообще и искусство в частности. <...> Итак, я становлюсь врагом славянства, когда оно превращается в проводника социализма или равенства. Я западник с головы до пят, и подлинное славянство – тоже западное, а не восточное» (Б.М. Маркевичу от 28 декабря 1869 г. [10, т. 5, с. 393]).

«...Я не презираю славян, к несчастью, я не имею на то права, но считаю, что им многое смирение подошло бы больше, но не то смирение, которого мы имеем слишком много и которое состоит в том, чтобы сложить все десять пальцев на животе и вздохнуть, возводя глаза к небу: “Божья воля! Поделом нам, говнюкам, за грехи наши! Несть батогов, аще не от Бога!” и т.д., а иного смирения, полезного, которое заключается в признании своего несовершенства, чтобы избавиться от него. Это – противоположность тому самодовольству, которое говорит: “Я горжусь простором русской земли и широтою русской природы, которая не может и не хочет ничем стесняться! Всякое ограничение противно русской природе (ограничение противно!), нам не нужно ни заборов, ни классов! Гуляй душа! Раззудись плечо! Не хочешь ли этого?” Славизм *Хомякова* вызывает у меня тошноту, когда он ставит нас выше Запада по причине нашего *Православия*» (Б.М. Маркевичу от 2 января 1870 г. [10, т. 5, с. 395–396]).

Наиболее резко это отмежевание от прежних друзей проявилось в «Церемониале погребения тела в Бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Козьмича П...», включенном в произведения Козьмы Пруткова и не публиковавшемся при жизни А.К. Толстого.

28

Идут славянофилы и нигилисты,
У тех и у других ногти не чисты,

29

Ибо если они не сходятся в теории вероятности,
То сходятся в неопрятности.

30

И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее
Русского безбожия и православия.

31

На краю разверстой могилы
Имеют спорить нигилисты и славянофилы.

32

Первые утверждают, что кто умрет,
Тот весь обращается в кислород.

33

Вторые – что он входит в небесные угодия
И делается братчиком Кирилла-Мефодия. [10, т. 2, с. 143–144]

Никакого «двойного дна» (характерного для произведений Козьмы Прутков) в «Церемониале...» нет, все сказано предельно жестко и недвусмысленно. Почему «неопрятность» оказывается более важным признаком сходства, чем различия в «теории вероятности»? Может быть, такое отождествление связано с историко-софской концепцией писателя, и в его сознании «славянофилы и нигилисты» восходят к единому истоку – «татарскому (московскому)» периоду русской истории¹⁰, являются его «реинкарнацией»? На первый взгляд, это странно, так как российских нигилистов сложно заподозрить в симпатиях к «азиатской» составляющей русского мира, скорее, наоборот, по своим устремлениям и ориентирам они – логическое завершение «западнического» движения отечественной общественно-политической мысли. Однако Толстой, возможно, имеет в виду не теорию, а реальную практику ниги-

---

¹⁰ Любопытна в этом отношении полемика Толстого со своим приятелем Б. Маркевичем, который пишет ему 15 февраля 1869 г.: «...к московскому же периоду ни вы, ни я, ни К. (имеется в виду Катков. – А. Ф.) ... не питаем ни малейшей симпатии. Тем не менее, нельзя отрицать историю. <...> Разница между нами та, что вы, мой друг, гадливо от нее отворачиваетесь, мы же решаемся смотреть ей прямо в лицо и в ее варварских, если хотите, чертах, узнаем однако же грубую, но мощную (этого вы не можете отрицать) силу, создавшую 80-миллионное государство, опираясь на которое, джентльмен Александр I устоял против целой Европейской коалиции. <...> Благодаря этому Московскому периоду Европа могла быть освобождена от “Корсиканского чудовища”, а в более или менее близком будущем получают свободу несчастные христиане, которых европейская цивилизация до сих пор упорно держит под магометанским игом...» [6, с. 93].

листов, которые в борьбе за собственное понимание свободы нередко прибегали к прямому интеллектуальному насилию. Подавление личности во имя «общины», прославление деспотического «собрания» земли и чванливое отношение к Западу являются отличительными чертами славянофилов, с точки зрения А.К. Толстого. «Татарский деспотизм», по мнению писателя, является «местом встречи» социалистов и почвенников (ср.: «Свободных мыслей коноводы / Восточным деспотам сродни» – П.А. Вяземский). И «обожание мужика», к которому призывает Потока «аптекарь, не то патриот», вызвано тем же самым духом, что и «потребность лежать... на брюхе» перед «московским ханом». А тирания и рабство – пара взаимосвязанная.

Но не только «татарщина» объединила в сознании Толстого «русское безбожие и православие». Важен и «внешний вид» представителей разных «станов». Если нигилисты в принципе «звона не терпят гусярного, / Подавай им товара базарного» («Пантелей-Целитель» [10, т. 1, с. 159]), то славянофилы искусство воспринимают лишь как средство. Получается, и те и другие – утилитаристы по отношению к искусству как таковому, ведь оно, по мнению писателя, не может иметь никаких целей, вне себя лежащих, – даже таких высоких, как гражданские добродетели, национальная самобытность и нравственные уроки. Поэтому скорее всего, «неопрятность», в которой «сходятся» славянофилы и нигилисты в «Церемониале», связана с антиэстетической сущностью двух общественных движений. Так что более раннее стихотворение «И.С. Аксакову», несмотря на дружеский характер послания, содержит в себе «зерна» той серьезной полемики, которая в итоге разведет Толстого и его бывших приятелей по разные стороны «баррикад»¹¹.

Нередко бывает так, что явные противники по общественно-политическим вопросам в реальности вдруг оказываются союзниками, двигаясь к одному итогу, только с разных сторон – «справа» и «слева». Нигилизм как угроза Российской государственности, как отрицание ее корневых начал мог парадоксально смыкаться со

---

¹¹ В одном из писем К.К. Павловой Толстой признается: «Впрочем, Аксаков, которого всем сердцем люблю и уважаю, скорее суровый гражданин, чем художник, и только с Вами, милостивая государыня, я могу погружаться в искусство по самые уши...» (от 25 октября 1861 г. [10, т. 5, с. 144]).

славянофильским отрицанием современной русской монархии¹² – правда, во имя других идеалов. Но какая разница – во имя чего, если разрушительный результат совпадает! Д.Н. Свербеев в 1864 г. замечает, что «доктрина славянофилов, без их ведома, изобрела порох для огнедышащих против России орудий другой доктрины Бакуниных, Огаревых, Герценов, Чернышевских и т.д., дала им в руки самые лучшие спички для их поджогов, приспособила самые прочные колеса для того паровоза, на котором Бакунин, Огарев и проч. желают мчать нас в пропасть...» [цит. по: 8, с. 198]. Фактически Толстой сражается не с двумя станами, находясь «между» ними, а с *одним противником в двух разных обличиях*.

Итак, отношение А.К. Толстого к славянофилам и их учению претерпело существенную эволюцию. Период единства был связан с его интересом как художника к народно-песенной стилистике и к идее славянского воссоединения. Однако постепенно в нем созревает стремление пояснить свою эстетическую позицию, которая расходится с представлениями славянофилов о смысле и цели искусства. Впоследствии этот диалог перерастает в полемику с более широким кругом вопросов – Толстой не принимает утилитарного отношения к литературе, отстаивает свое понимание народа, переосмысливает роль Петра Великого в русской истории, разоблачает тягостные последствия «московского» периода, клеймит «татарщину» как мечту о новом хане и апологию тирании и рабства, не желает признавать превосходства над западом в нравственно-религиозном отношении, наконец, парадоксально сближает нигилистов и славянофилов, показывая разрушительные последствия их идей. Конечно, в полемическом задоре Толстой нередко утрирует мнения своих оппонентов, упрощая и огрубляя их мысли. Что повлияло на такое изменение в отношении к бывшим друзьям? На этот вопрос вряд ли возможен точный ответ. Крымская война и ее итоги? Великие реформы, издержки которых Толстой видел очень ясно? Покушения на Царя-освободителя? В любом случае, внешняя, общественно-политическая

---

¹² «Недовольство современною русскою действительностью... было общим не только среди крайних и умеренных западников, но и среди славянофилов; при этом недовольстве... как у западников, так и у славянофилов, были уже наготове для будущего теоретически выработанные планы переустройства русской жизни...» [7, с. 182–183].

действительность давала художнику материал для тех умозаключений, к которым он постепенно пришел.

В этом, казалось бы, частном наблюдении кроется одна из возможных причин, по которым радикально-прогрессистское движение оказало такое колоссальное влияние на историко-культурный процесс второй половины XIX столетия. Это движение, при всех «расколах в стане нигилистов», было относительно единым – как в своих целях, так и в своих методах. А вот обширное и могучее по своим интеллектуальным возможностям, публицистическим и художественным талантам противоположное «крыло» не сумело нивелировать разрушительные последствия воздействия нигилистических доктрин на общественное сознание. Потому что подлинной общности, которая заставила бы забыть все мнимые расхождения, в этом «стане» так и не сложилось.

Объективно Алексей Константинович Толстой являлся союзником консервативно-почвеннического, славянофильского движения отечественной социально-философской мысли, стремясь освободить ее от крайностей, сближаясь в стратегии, но расходясь в тактике. Но в итоге личное, индивидуальное, обособленное оказалось сильнее «сотрудничества» на общей ниве, «соратничества» в общей борьбе. И борьба была проиграна – во всяком случае, на том отрезке нашего исторического бытия.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. М.; Л.: Соцэкгиз, 1929–1959. Т. 8: Философия истории. 1935. 468 с.
2. Ильин И.А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. 347 с. Серия «История эстетики в памятниках и документах».
3. Курилов А.С. Когда и о чем звенели колокольчики? К вопросу о датировке стихотворений А.К. Толстого // Литературоведческий журнал. 2016. № 39. С. 114–142.
4. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Экран, 1993. Т. 4. 640 с.
5. [Мещерский В.П.] Две России // Гражданин. 1874. № 1. С. 5. Подпись: М.
6. Письма Б.М. Маркевича к графу А.К. Толстому, П.К. Щербальскому и др. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1888. 369 с.

7. Полевой П.Н. Век нынешний и век минувший. (Из очерков будущей истории литературы) // Исторический вестник. 1887. № 4. С. 169–186.
8. Симонова И.А. Федор Чижов. М.: Молодая гвардия, 2002. 365 с. Серия «Жизнь замечательных людей».
9. Толстой А.К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1964. 584 с.
10. Толстой А.К. Полное собрание сочинений и письма: в 5 т. М.: Классика. Т. 5. М., 2018. 752 с.

References

1. Gegel', G.V.F. *Sochinenia [Works]*: in 14 vols. Moscow; Leningrad, Sotsekghiz Publ., 1929–1959. Vol. 8: Philosophy of History, 1935, 468 p. (In Russ.)
2. Il'in, I.A. *Odinokii khudozhnik: Stat'i, rechi, lektsii [The Lonely Artist]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1993, 347 p. (In Russ.)
3. Kurilov, A.S. “Kogda i o chem zveneli kolokol'chiki? K voprosu o datirovke stikhotvorenii A.K. Tolstogo” [“When and About What the Bells Were Ringing? To the Question of Dating A.K. Tolstoi's Poems”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 39, 2016, pp. 114–142. (In Russ.)
4. Leskov, N.S. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*: in 6 vols. Moscow, Ekran Publ., 1993, vol. 4, 640 p. (In Russ.)
5. [Meshcherskii, V.P.] “Dve Rossii” [“Two Russias”]. *Grazhdanin*, no. 1, 1874. p. 5. Signed: M. (In Russ.)
6. *Pis'ma B.M. Markevicha k grafu A.K. Tolstomu, P.K. Shebal'skomu i gr. [V.M. Markevich's Letters to Count A.K. Tolstoi, P.K. Shebal'skii et al.]*. St Petersburg, Obshestvennaya pol'sa Publ., 1888, 369 p. (In Russ.)
7. Polevoi, P.N. “Vek nyneshnii i vek minuvshii (Iz ocherkov budushei istorii literatury)” [“Present Century and Past Century (From the Essays on Literary History of the Future)”]. *Istoricheskii Vestnik*, no. 4, 1887, p. 169–186. (In Russ.)
8. Simonova, I.A. *Fedor Chizhov [Fedor Chizhov]*. Moscow, Molodaya gvardia, 2002, 365 p. (In Russ.)
9. Tolstoi, A.K. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*: in 4 vols. Moscow, Khudozestvennaya literature Publ., 1964, Vol. 4, 584 p. (In Russ.)
10. Tolstoi, A.K. *Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma [Complete Works and Letters]*: in 5 vols. Moscow, 2018, Vol. 5, 752 p. (In Russ.)